

Вэньжэнь Тин повернулся, прикрывая глаза рукой и всхлипывая, пошел к дворецкому Баю. Опустив голову, он улыбнулся с чувством удовлетворения, но прикрыл это всхлипываниями. Он с грустью обратился к старику на экране:

— Папа, я не хочу доставлять старшей сестре хлопот. Я хочу вернуться.

Он ни словом не упомянул о том, что намеренно вывел Вэньжэнь Юэ из себя.

Вэньжэнь Юэ бросилась вперед, едва сдерживаясь, чтобы не оторвать ребенку уши.

В глаза одно, за глаза другое — точь-в-точь та лиса! Неудивительно, что он так вскружил голову старику.

Но даже в ярости она понимала, что не может при отце сделать что-то с этим ребенком.

Вэньжэнь Юэ глубоко вдохнула, с мрачным лицом спросив отца:

— Что вообще происходит? Я же сказала, что не хочу никого видеть в своем доме! У него ведь есть мать, или она не может его содержать? Или она при смерти и не может за ним следить?

Она скрежетала зубами от злости. Если бы не то, что он ребёнок, она бы уже набросилась на него.

— Я тебе говорю. Я не нянька, не буду твоим ребенком заниматься. И что это за ребенок вообще? У меня только одна дочь — Цинцин. Я знаю, что такое родство и кровные узы, кто настоящий родственник. Ты это понимаешь?

Старый господин на экране был вне себя от ярости, он громко стукнул тростью:

— Ты вообще не похожа на мать! Больше не хочу слышать таких слов! А Тин — мой сын, и твой брат.

Он смягчил тон, посмотрев на мальчика рядом с дворецким Баем:

— А Тин, если тебе здесь некомфортно, возвращайся с дядей Баем.

Вэньжэнь Тин, однако, открыл покрасневшие от слез глаза и, всхлипывая, произнес:

— Папа, я не хочу возвращаться. Я хочу остаться здесь, я хочу учиться. Так я смогу помогать тебе в будущем.

Он успокаивал старого господина:

— Папа, не ругай старшую сестру. Дай ей время, она обязательно примет А Тина.

Сказав это, он повернул голову и бросил Вэньжэнь Юэ безобидную улыбку, полную самодовольства.

В городе было много гор, климат был довольно влажным.

Зимой температура опускалась низко, воздух был сырым и холодным, пробирающим до костей.

Машина не могла проехать по этой дороге, в глубине располагалось несколько сельских домов,

открытых для гостей.

Цзи Сюнь была в пушистых перчатках, на ресницах у неё застыл иней.

Она оглянулась.

Вэньжэнь Цин шла рядом с ней, держась прямо. И хотя она была хрупкой, в ней чувствовалась особая грация, словно у стебля бамбука.

Цзи Сюнь приблизилась:

— Цинцин, тебе не холодно?

Она сняла одну из своих перчаток и протянула её.

— Не нужно.

Вэньжэнь Цин посмотрела на неё, заметив, как та вздрогнула от холода, и в её глазах мелькнуло тепло.

— Мне не холодно! Правда не холодно! Апчхи!

Цзи Сюнь, протягивая перчатку, неожиданно чихнула, и перчатка упала на землю.

Вэньжэнь Цин на мгновение замерла, затем подняла перчатку.

— Надень.

Она взяла обнажённую руку Цзи Сюнь и, опустив глаза, вложила пальцы и ладонь в перчатку.

Цзи Сюнь смотрела на бесстрастное лицо Вэньжэнь Цин и тихо сказала:

— Но твои руки холодные.

У Цинцин была странная привычка — она не любила одеваться тепло.

Зимой, даже когда было очень холодно, она не надевала перчатки или шарф. В отличие от неё, Цзи Сюнь всегда была одета как маленький пингвин.

Она моргнула:

— Цинцин, если тебе будет плохо, я буду волноваться и переживать.

Она считала своим долгом беречь здоровье Цинцин.

Вэньжэнь Цин смотрела на неё несколько мгновений, затем губы её дрогнули:

— Поняла.

Сказав это, она всё равно не захотела надевать перчатку.

Цзи Сюнь уговаривала её, пока не убедила принять шарф.

Она сегодня надела особенно длинный шарф, и, встав на цыпочки, обернула один конец вокруг шеи Цинцин.

Шарф соединил их двоих, и дядя Юн, идущий сзади, улыбнулся.

Вэньжэнь Цин, услышав смех сзади, прошла несколько шагов и вдруг сказала:

— Я передумала.

Цзи Сюнь подняла глаза:

— А?

Вэньжэнь Цин остановилась:

— Сними. Я не хочу носить.

Её уши покраснели, но не от холода, а от стыда — казалось слишком по-детскому.

Услышав это, Цзи Сюнь надула губки, её личико выражало расстройство. Она смотрела на Цинцин, сморщив носик.

— Цинцин, ты не слушаешься.

Простуда и температура — это то, что придется переносить тебе одной, никто не поможет.

Столько лет, заботясь о Цинцин, самое большое желание Цзи Сюнь, помимо выполнения сюжетного прогресса и ухода из этого мира, заключалось в том, чтобы Цинцин была здорова.

Чтобы она снова обрела здоровое и крепкое тело, могла, как ровесники, бегать, прыгать и веселиться на улице.

А не всегда была такой молчаливой и холодной.

Глядя на прекрасные глаза Цзи Сюнь, Вэньжэнь Цин молчала несколько мгновений, затем, словно сдаваясь, произнесла:

— Пошли.

Она потерпит.

Она встретила кого-то слишком рано и слишком юной, когда её сердце ещё не совсем остыло и потеряло температуру.

И когда тот маленький комочек обнял её своим энтузиазмом и наивностью, она, даже сопротивляясь изо всех сил, постепенно растаяла и приняла ту температуру, которая ей не принадлежала.

И до сих пор в каждой мелочи жизни она отступала.

Она почти безоговорочно потакала кому-то, но тщательно скрывала это, никогда не давая ей узнать об этом своём слабом месте.

Живущие в горах хозяева обустроили свой двор в стиле старинной гостиницы и добавили вывеску «Сельский гостевой дом».

Хозяева гостевого дома, супружеская пара средних лет, увидев двух таких красивых девушек,

идущих по снегу, на мгновение застыли.

— Ой, на улице так холодно, вы пешком пришли?

Дядя Юн улыбнулся:

— Да. Снег перекрыл дорогу, машина не проехала. Казалось, не так далеко, вот и пошли.

В основном настояла Вэньжэнь Юэ.

Ван Юну ничего не оставалось делать.

Всё, что касалось барышни Сюнь, Вэньжэнь Юэ воспринимала одержимо, становясь более упрямой и решительной, чем обычно. Стоило ей принять решение — девять быков не могли её свернуть.

Ван Юн не мог возразить, а так как попытки остановить её ни к чему не привели, он просто шёл следом, охраняя их.

В тот день госпожа, хотя ничего не сказала, запретила ему возвращаться в Сянчэн, что означало: оставаться в городе и оберегать Вэньжэнь Юэ.

Супруги, увидев гостей, тут же засуетились, начиная готовить еду, а свою дочь Эр Ни послали провести девушек в сад в заднем дворе.

Снег хрустел под ногами. Эр Ни, глядя на двух красивых старших сестёр, покраснела, в её глазах читалось восхищение.

— Вы такие красивые.

Она посмотрела на своё пухлое тело, затем на стройные фигуры девушек, и ей стало немного стыдно.

Эр Ни было всего девять лет, но она уже мечтала о красоте.

Обычно, когда она смотрела телевизор и случайно видела симпатичных парней или девушек, она не могла оторвать глаз. А тут в доме появились две такие яркие девушки.

Эр Ни тайно думала, что они даже красивее, чем звезды на экране.

— Если бы я тоже могла похудеть.

Эр Ни прикусила палец, в её глазах появилась грусть.

Цзи Сюнь погладила её по голове, мягко сказав:

— У каждого своя красота. Эр Ни, посмотри на свои большие глаза, они такие яркие и чистые, это то, чего нет у других. Спроси ту сестру, разве твои глаза не красивы?

Эр Ни обычно много ела, любила вкусняшки, а родители её баловали, из-за избытка питания она казалась пухленькой. Но Цзи Сюнь, заботясь о самооценке девочки, мягко и искренне её успокаивала.

Эр Ни сразу же повеселела:

— Правда?

Она покраснела, но глаза загорелись, когда она посмотрела на другую, более холодную и молчаливую сестру.

Вэньжэнь Цин, увидев её взгляд, немного помолчала, затем кивнула:

— Да.

В её взгляде отразились ямочки на щеках Цзи Сюнь. В сердце было сложно понять, чего было больше — запутанности или горечи.

Иногда она думала: характер Цзи Сюнь такой, что, видя чью-то грусть, она стремится утешить, сталкиваясь с чьей-то печалью — старается развеселить.

Для неё я — такая же, как и все остальные?

Вэньжэнь Цин опустила глаза, холодные пальцы в карманах слегка пошевелились.

Впервые она почувствовала, что зима холодна, а тепло подобно солнцу на небе, озаряющему столько людей, то приближается, то отдаляется.

Даже если солнечный свет падает на ладонь, он не по-настоящему принадлежит никому.

Эр Ни же тут же воспряла духом и приняла на себя роль экскурсовода, повела их смотреть на колодец в саду.

<http://bllate.org/book/16860/1552939>